

менты, отправленные на личных бланках, носили менее официальный, более доверительный, а иногда и конфиденциальный характер. Они не всегда регистрировались и имели исходящий номер. Такие документы содержали персональное именование адресата и завершались подписью «с товарищеским приветом», «с коммунистическим приветом» и т.д.

Обладание бланком было показателем определенного статуса человека и неким уподоблением деловому и дружескому этикету, существовавшему до революции. В 1930-е гг. их употребление практически сошло на нет: изменилась культурная ситуация, элиминировавшая проявления нестандартного, единичного; да и просто стало невозможно сдать в типографию индивидуальный заказ.

О.В. Ауров (Москва)

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГОРОДСКАЯ ПЕЧАТЬ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(НА ПРИМЕРЕ МАТРИЦ ПЕЧАТИ КОНСЕХО КУЭЛЬЯРА ИЗ
ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
В МАДРИДЕ)**

Печати являлись одним из важнейших символов власти средневековых городских учреждений, наряду с другими её атрибутами, такими, как знамя, кодексом, содержащим свод местного права (фуэро) и др. Однако именно печать занимала в этом перечне первое место по своему значению, поскольку её появление знаменовало собой приобретение городом статуса юридического лица.

В испанском средневековом королевстве Кастилия и Леон первые упоминания о городских печатях территориальных общин (консехо), объединявших в своих границах город и его сельскую округу, появляются в документах и сводах местного права в середине – второй половине XIII в. Однако сами городские печати от этого периода практически не сохранились. Единственное исключение составляют матрицы печати консехо Куэльяра (в современной провинции Сеговия), датируемые периодом между 1284 и 1308 гг. и хранящиеся в Зале нумизматики Национального археологического музея в Мадриде. Они представляют собой сделанные из бронзы и железа две рельефные и полые с внутренней стороны матрицы (аверс и реверс),

которые следовало прикладывать, соответственно, к внешней и внутренней стороне свинцовых или восковых вислых печатей, скрепивших документы, издававшиеся от имени консехо.

На реверсе помещено изображение фигуры рыцаря на скачущем галопом коне. Он одет в кольчугу и шлем цилиндрической формы, его ноги защищены кольчужными чулками, а конь покрыт длинной попоной, украшенной (как и щит) геральдическим узором из тёмных и светлых равнобедренных треугольников, складывающихся в ромбы. В правой руке (левой на оттиске) он держит прямоугольный равномерно закругленный внизу щит в форме герба характерной «пиренейской» формы, а в левой (правой на оттиске) – значок (флаг) прямоугольной формы, ближе к концу подразделяющийся на три длинные языка. Именно этот значок и был, судя по всему, знаменем консехо, поскольку помещенная по контуру легенда гласит: «Est Cavallero Es Alferraz De Cuellar Y Vasallo Del Rey» – «Этот рыцарь – знаменосец Куэльера и вассал короля». На аверсе находится изображение трехбашенного замка, окруженного каменной стеной с прямоугольной надвратной башней, завершающейся (как и стены) девятью прямоугольными же зубцами, верхняя часть которых имеет вид треугольника (три – на башне, и по три – с каждой стороны от нее). По обеим сторонам от главной башни помещены две стилизованные геральдические лилии. По контуру помещена легенда: «Est Es El Sello Del Conceio De Cuellar» – «Это – печать консехо Куэльера».

Значение этого артефакта как исторического источника заключается не только в том, что он дает возможность представить себе вид идеального центрально-испанского города – такого, каковым он представлялся современникам. Сопоставление с данными письменных источников показывает, сколь реалистично изображение рыцаря на аверсе: тексты этого времени (прежде всего – местные фуэро) упоминают щит, длинное копье, металлический шлем, кольчугу, наплечники, латный воротник, попону, конский кольчужный доспех и др. предметы, отраженные на печати.

Гораздо более важным, однако, оказывается вопрос о том, с чем вообще связано помещение изображения рыцаря на городскую печать. В докладе показывается, что оно было обусловлено лидирующей ролью рыцарства в составе консехо. Основной задачей последнего, в конечном итоге, оказывалось обеспечение материальных по-

требностей местных рыцарей, обусловленных исполнением их словных обязанностей.

Именно поэтому институциональные аспекты жизни консехо в том, что непосредственно не касалось рыцарства, были гораздо менее урегулированы. На деле кастильская территориальная община XIII в. являлась весьма аморфным учреждением, лишь частично напоминающим коммунальные институты запыренейской Европы.

Эта аморфность достаточно явно прослеживается и в том, что касалось регламентации режима хранения и использования городской печати в XIII – начале XIV вв. Формально действовавшее в Куэльяре «Королевское фуэро» уделяло значительное внимание всем аспектам, касавшимся этого атрибута местной власти. Печатью предписывалось скреплять документы, издаваемые от имени консехо (в частности – лицензии на ведение практики в городе, выдававшиеся врачам и хирургам). Надзор над печатью поручался двум особым должностным лицам – «добрым людям» (“*omes bonos*”), которые должны были хранить у себя по одной матрице каждый и лично, при обязательном присутствии коллеги, прикладывая ее к документам. Избрание этих должностных лиц следовало производить членами коллегии судей (алькальдов) и двенадцатью «добрыми людьми», выбранными по церковным приходам.

На деле, однако, эти нормы часто не выполнялись и правом распоряжения городской печатью пользовались короли и сеньоры, в т.ч. – в своих сиюминутных интересах, вызванных нехваткой средств. Один из таких примеров даёт куэльярская грамота 1306 г., из которой становится известно об использовании знамени и печати консехо частным лицом, взявшим их в аренду, что причинило общине «многие тяготы». Отвечая на жалобу консехо, король Фернандо IV (1295–1312) предлагает передать указанные символы власти «...тому, кому сходом укажете». Сомнительно, однако, чтобы это благое пожелание гарантировало от повторения злоупотреблений: ведь подобный порядок существовал и ранее.

Лишь глубокие изменения в организации территориальной общины Куэльяра, последовавшие во второй половине XIV–XV вв. привели к реальному упорядочению режима хранения городской печати. Тогда же несколько сократилась и рыцарская монополия на власть. Однако вопрос о том, почему и каким образом изменилась эта ситуация, составляет предмет отдельного доклада.